

ФУМИКО ЭНТИ

РОМАН

И
С
П
О
Л
Н
Е
Н
И
Й

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ЛИТРАФ

Фумико Энти Пологий склон

текст предоставлен издательством «Центрполиграф»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=619075

Фумико Энти. Пологий склон: Центрполиграф; Москва; 2006

ISBN 5-9524-2235-7

Аннотация

Доверие могущественного чиновника Юкитомо Сиракавы к жене Томо безгранично. Но просьба мужа выбрать для него наложницу глубоко ранит ее любящее и гордое сердце. Охваченный желанием, властный сластолюбец Юкитомо не останавливается ни перед чем. И томятся в его доме прекрасные женщины, словно редкие драгоценности в шкатулке, без света, любви и радости. Лишь Томо, бесстрастная как китайская императрица, держит на своих плечах благополучие семьи, и никому не дано знать о ее истинных чувствах.

Роман известной японской писательницы Фумико Энти (1905–1986) в России издается впервые.

Содержание

Часть первая	4
Глава 1	4
Глава 2	44
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Фумико Энти

Пологий склон

Часть первая

Глава 1

Первое цветение

Стоял тихий солнечный день. Лето только-только вступило в свои права. Дом семьи Кусуми располагался в богатом квартале Ханакавадо на берегу реки Сумиды в красивейшем районе Токио, в Асакусе.

Кин, мать Тоси, принесла из сада белые клематисы и поставила их на полку токономы¹ в одной из комнат на втором этаже.

С самого раннего утра Кин наводила чистоту в доме. Она постояла, подбоченившись, критическим взглядом обвела помещение, удовлетворенно вздохнула и медленно сошла вниз по скрипучей деревянной лестнице, прижимая к груди листы темной вощенной бумаги, на которой остались капли ро-

---

¹ Токонома – ниша в традиционном японском доме; в ней вешают свиток с картиной или каллиграфической надписью, ставят икебану, курильницы и пр. (Здесь и далее, за исключением оговоренных случаев, примеч. пер.)

сы и несколько лепестков. Заглянула в гостиную: дочь сидела у окна и шила. Через деревянную решетку в комнату лился яркий свет, отраженный от поверхности реки.

Тоси вдела нитку в иголку и подняла глаза на мать:

– Часы пробили три. Что-то гости задерживаются, да, матушка?

– О боги, неужели уже столько времени?! Да, так и есть... Но ведь в Уцунумии им придется нанять рикшу. Хоть они и написали, что придут днем, я думаю, раньше вечера не появятся. – Кин присела к жаровне-хибати и раскурила длинную тонкую трубку с черенком из бамбука.

– Вы все утро хлопотали по хозяйству, матушка, устали, наверное, – сказала Тоси, ласково улыбаясь. Она сделала еще несколько стежков, перекусила нить и решительно воткнула иголку в красную подушечку. Затем аккуратно сложила тонкий крепдешин, пристроила его на оберточной бумаге, встала и, прихрамывая, подошла к матери. Бледная, осунувшаяся, девушка тоже нуждалась в отдыхе.

– Не понимаю, откуда взялось столько грязи? Я ведь каждый день убираюсь, – недоуменно проговорила Кин, развязывая тесемки, которыми были прихвачены широкие рукава кимоно. Она расправила складки и старательно отряхнула черный шелковый воротник своего наряда. Рачительная хозяйка испытывала удовольствие оттого, что теперь дом сверкал чистотой. Нигде не было ни пылинки. Она даже сёдзи²

---

² Сёдзи – внешние раздвижные перегородки в традиционном японском доме,

привела в порядок, протерла все рамы.

– Странно... Что госпоже Сиракаве понадобилось в Токио? – задумчиво спросила Тоси, потирая пальцами утомленные глаза.

– А что тут странного? – Кин нахмурилась, внимательно посмотрев на дочь.

Годы пощадили госпожу Кусуми: она была моложава и все еще миловидна. Тоси повезло меньше. Болезнь и возраст наложили неизгладимый отпечаток на ее внешность. Она давно уже потеряла все надежды выйти замуж. Мать и дочь можно было принять за родных сестер. Они и общались на равных, и нередко Тоси высказывала более трезвые и зрелые мысли, чем ее мать.

– Она ведь упомянула в своем письме, что хочет осмотреть Токио, не так ли?

– Может быть, может быть, – протянула Тоси, склонив голову набок. – Все равно это странно: молодая замужняя женщина приезжает издалека, чтобы полюбоваться видами Токио и окрестностей. Если не ошибаюсь, господин Сиракава занимает руководящий пост в префектуре, по значимости равный посту губернатора?

– Да, ты права. Говорят, он очень влиятельный человек, – заметила Кин, постучав трубкой по краю хибати. – Да, этот господин, можно сказать, преуспел, завоевал свое место под

отделяющие внутреннее пространство от галереи-энгавы и представляющие собой деревянные рамы, обтянутые плотной вошеной бумагой. (Примеч. ред.)

солнцем. Никогда бы не подумала, что он так далеко пойдет. А начинал-то с маленькой должности в Токийском муниципалитете! Они и жили по соседству с нами. Правда, он и тогда уже был ловким, сообразительным честолюбцем. Дни проводил в хлопотах...

– Вот-вот, матушка, именно это я и имела в виду, – подхватила Тоси и внимательно посмотрела на мать. – Со стороны его супруги это как-то безответственно: все бросить и уехать на месяц или два осматривать достопримечательности, оставив мужа одного, без помощи, без поддержки. А ведь он так загружен делами!.. Дочку и служанку она прихватила с собой. Наверно, вещей будет гора... Жена господина Сиракавы не местная, да?

– Да, правильно. Она из Кумамото, как и господин Сиракава... Гм, действительно непонятная история... – Кин помедлила, напряженно вглядываясь в лицо дочери. Внезапно ее поразила неприятная мысль. – Неужели они хотят развестись? Но в письме господина Сиракавы и намека на это не было.

– Конечно, не было, – проговорила Тоси. Она облокотилась на край хибати и подперла рукой щеку. Ее глаза заволокло мечтательной пеленой, она смотрела в одну точку, словно пыталась увидеть будущее.

Кин вздохнула. Бедная, бедная девочка! За что она так обижена судьбой? Хромая, болезненная, немного странная... Часто, очень часто она поражала мать удивительными

пророчествами, которые сбывались. Кин не сводила глаз с лица Тоси, будто ждала, когда же ее прорицательница что-нибудь изречет.

Тоси вскоре очнулась, отодвинулась от жаровни и медленно произнесла:

– Гм, даже не знаю, что сказать.

Прошел час. У ворот дома остановились рикши. Из первой коляски вышла Томо Сиракава в сопровождении дочери и служанки. Для гостей была уже давно приготовлена горячая вода, и они поспешили в ванную, чтобы смыть с себя следы длительного путешествия.

Вскоре Томо вернулась в гостиную и преподнесла хозяйке дома подарки: сушеную хурму, лакированную утварь из Айдзу³. Она объяснила, что это традиционные ремесленные изделия мастеров Фукусимы. Еще Кин и Тоси получили отрезки прекрасной ткани.

Томо была в кимоно, поверх которого красовалась черная шелковая хаори⁴, расшитая фамильными гербами. Изысканная ткань мягко обхватывала фигуру молодой женщины, подчеркивая плавную линию плеч и спины. Гостья сидела, высоко подняв голову, немного откинувшись назад, и всем своим видом являла образец супруги важного чиновника.

---

³ Айдзу – историческая провинция Японии, после Реставрации Мэйдзи (1867 – 1868 гг.) вошла в состав префектуры Фукусима. (*Примеч. ред.*)

⁴ Хаори – накидка, принадлежность японского парадного костюма.

Она держалась с невероятным достоинством. Такой Кин ее не помнила. Видимо, эту горделивую надменность и чопорную сдержанность Томо приобрела за те пять лет, что они не виделись.

Чистый высокий лоб, смелый размах бровей, широко расставленные глаза, четко очерченные губы и нос – удивительное, необычное лицо, лишенное даже капли чувственности, мягкой женственности. В узких ярких глазах, полуприкрытых веками, порой мелькало трудноуловимое выражение. Что это было: отчаяние, равнодушие, безысходность? Невольно напрашивался вопрос: что стоит за деланным спокойствием этой молодой женщины? Матовые, безупречной формы веки, как ширмы, надежно скрывали все тайны ее души и сердца.

Именно этот загадочный, отрешенный взгляд Томо, скупость в словах и движениях всегда вызывали внутренний отпор в Кин. Тем не менее, обеих женщин связывали теплые отношения, установившиеся еще в те годы, когда они жили в Токио по соседству друг с другом.

Кин продолжала наблюдать за Томо. Нет, в гостье не было ни надменности, ни скрытой неприязни. Подумав, Кин сделала такой вывод: «Томо вся в себе».

Не надо забывать, что господин Сиракава занимал очень высокий пост и его супруга должна была выглядеть и держаться в соответствии со своим положением. Отстраненность стала ее отличительной чертой, подтверждавшей при-

частность к кругу избранных.

Эцуко еще не простилась с детством. Ее блестящие, не очень длинные волосы были уложены в простой пучок. Ей пока ни разу не делали сложную прическу, какую обычно носят девушки.

Девочку потрясло перламутровое сияние реки Сумиды, она глаз не могла оторвать от великолепного зрелища.

– О, да она становится настоящей красавицей! – искренне восхитилась Кин, разглядывая Эцуко, ее точеный носик и алые губы.

– Вся в отца, – заметила Томо.

Это было правдой: изящные черты достались девочке от господина Сиракавы.

Дочка постоянно боялась чем-нибудь огорчить свою строгую мать. Стоило той тихим голосом произнести «Эцуко!», как девочка, вздрогнув, виновато втягивала голову в плечи и послушно садилась возле Томо.

– Как мило, что вы вот так просто собрались и приехали к нам в Токио, – улыбнулась Кин, угощая гостей чаем и сладостями. – Я слышала, ваш муж сделал блестящую карьеру, стал важной персоной. По рангу его пост равен губернаторскому! Какая ответственность лежит на нем! Думаю, вам тоже нелегко.

– О нет, его служебные дела меня теперь почти не касаются, – равнодушно ответила Томо. В ее голосе не чувствовалось ни высокомерия, ни самодовольного бахвальства, хотя

и то и другое было бы вполне естественно для дамы из высшего общества.

Кин не раз слышала, что господин Сиракава времени даром не теряет, живет в роскоши и правит в своей резиденции, как настоящий даймё⁵.

За чаем поговорили о том о сем, обсудили модные женские прически, суматошную жизнь Токио, новые постановки в театре «Синтоми».

– Думаю, мы сможем как следует отдохнуть и развлечься. Нам ведь некуда спешить... Хотя должна признаться, кое-что мне тут надо сделать. – Томо медленно повернулась к дочери и поправила красный гребень в ее волосах.

Ровный голос, обычные фразы. Кин ничего подозрительного не заметила, но Тоси мгновенно напряглась. Ее сомнения подтвердились: Томо не развлекаться приехала в Токио, у нее есть какое-то важное дело.

Гостья с любезной, безмятежной улыбкой посматривала на хозяйку. Но сквозь ее невозмутимость проступало нечто странное, неуловимое. Что-то в ее интонации, в плавных движениях головы и рук говорило о внутреннем возбуждении. Казалось, мрачная необъяснимая сила давит на эту женщину со всех сторон.

Тоси была домоседкой и редко выходила на улицу. Но на следующий день, желая отблагодарить Томо за подарки, она

---

⁵ Даймё – владетельный князь.

пригласила Эцуко осмотреть храм Каннон⁶ в Асакусе. Служанке Ёси позволили также участвовать в прогулке. После недолгих сборов троица весело отправилась в путь.

– Когда осмотрите храм, купи девочке альбом с видами, – посоветовала Кин дочери, провожая компанию до ворот.

Вернувшись в дом, Кин поднялась на второй этаж. Томо находилась в первой из двух смежных комнат, отведенных гостям. Она достала чистое белье и теперь складывала часть одежды в большую плетеную корзину, которую привезла с собой.

По небу плыли легкие облака, отражаясь в зеркале реки. В комнату лился белесый свет.

– Вы уже за работой? Так рано?! – воскликнула Кин, усаживаясь на деревянный пол веранды у входа в комнату.

– Эцуко вырастет не по дням, а по часам. Ей постоянно требуется то одно, то другое, – объяснила Томо, аккуратно складывая одно кимоно за другим в корзину. – Путешествовать с таким грузом нелегко. – Она помедлила и продолжила: – Госпожа Кусуми... Простите за беспокойство, но не могли бы вы уделить мне несколько минут? – Томо так низко склонилась над корзиной, тщательно разглаживая детское шелковое кимоно на подкладке, что ее лица не было видно.

Кин затаила дыхание. Она специально заглянула к гостье,

---

⁶ Каннон – японский, женский, вариант бодхисаттвы Авалокитешвары, которому посвящена 25-я глава «Лотосовой сутры». Среди будд, бодхисаттв и синтоистских божеств японского пантеона Каннон занимает одно из самых почетных мест, ей поклоняются как богине милосердия. (Примеч. ред.)

чтобы немного поболтать. Но что-то в словах Томо насторожило хозяйку, и она успела пожалеть, что вообще сюда пришла.

– Что вы, что вы, я совершенно свободна... Что я могу для вас сделать?

– О, спешки никакой нет... Если вы заняты, я подожду. Правда, сейчас Эцуко нет дома... вот я и подумала... Может, вы все-таки зайдете ко мне ненадолго? – Как всегда, Томо держалась безупречно. Она принесла дзабутон⁷ для Кин и положила его на застланный циновками пол. – Буду с вами откровенна: вы действительно можете мне помочь. Хочу попросить вас об одной услуге...

– Вы говорите загадками. Я с радостью сделаю для вас все, что в моих силах.

Кин старалась проявить сердечность, но душу ее терзала тревога: какую тайну хочет ей доверить эта сдержанная молодая особа, которая так спокойно сидит перед ней, положив руки на колени и опустив глаза?

Легкая, мимолетная улыбка тенью коснулась нежного изгиба щеки и уголка губ.

– О, боюсь, вас несколько удивит моя просьба... Очень деликатная просьба... – Томо замялась, плавно подняла руки и кончиками пальцев поправила безупречную прическу. Она ни в чем не терпела беспорядка. Поэтому у нее вошло в привычку время от времени проводить ладонью по волосам

---

⁷ Дзабутон – плоская подушка для сидения на полу.

– внешний вид должен быть всегда безукоризненным.

Внезапная догадка, как молния, озарила мозг Кин: тут на-верняка замешана женщина. Когда господин Сиракава слу-жил в Токио, в его доме постоянно бывали особы самого раз-ного толка. Добившись высокого общественного положения, господин префект, судя по всему, не стал изменять привыч-кам и всю потворствовал своим прихотям.

Кин ничем не выдала волнения и лишь вопросительно посмотрела на гостью. Не к лицу добропорядочной урожен-ке Токио проявлять беспардонное любопытство. Вмешатель-ство в личные дела посторонних, даже если суть проблемы всем ясна и очевидна, казалось госпоже Кусуми недопусти-мым.

– Так в чем же дело? Не стесняйтесь, доверьтесь мне, – сказала она, выдержав паузу.

– Ну что ж, без вашей помощи мне все равно не обой-тись... – вздохнула Томо, на ее губах вновь появилась и рас-таяла улыбка. Бледное лицо внезапно застыло, превратив-шись в маску Но. – Видите ли, я бы хотела подыскать и увез-ти с собой девушку... служанку. Она должна быть совсем юной... лет, скажем, пятнадцати – восемнадцати, из прилич-ной семьи... по возможности хорошенькой. – Слова дава-лись Томо с трудом, ее рот растянулся в улыбке, а глаза мер-цали холодно и мрачно из-под тяжелых матовых век.

– Конечно-конечно, я понимаю, – пролепетала Кин и по-тупилась в замешательстве.

Собственная неискренность расстроила госпожу Кусуми. Холодок скользкой змейкой пробежал вдоль спины. Несколько фраз было вполне достаточно, чтобы не на шутку испугаться. Так-так, не зря у Тоси были дурные предчувствия. Кин вздохнула с протяжным стоном. И было непонятно, что именно заключено в этом вздохе: огорчение, одобрение или философское смирение.

Она долго молчала, потом медленно проговорила:

– Да, случается, мужчина в самом расцвете сил достигает определенного положения в обществе... и у него возникает... подобная потребность, не так ли?

– Похоже, так оно и есть. Но знаете, в наши дни это становится чем-то привычным, обыденным. Никто уже даже не удивляется.

Ложь, чистая ложь. Томо знала, как фальшиво звучат ее слова. Она подавила внутреннюю дрожь. Никто не должен знать, что творится у нее в душе.

Примерно год назад господину Сиракаве пришла в голову оригинальная мысль: взять в дом наложницу. Вскоре эту животрепещущую тему обсуждали все, кому не лень.

Чиновники низшего ранга, секретари, служащие, ходившие на задних лапках перед грозным начальником, возбужденной толпой окружали Томо на различных светских мероприятиях и как ни в чем не бывало заявляли: «Госпожа Сиракава, у вас такое большое хозяйство. Чтобы справиться со всеми заботами, вам необходима женская помощь» или

«У господина префекта столько обязанностей, на нем лежит такая ответственность, вы же это сами понимаете... Вы просто обязаны обеспечить ему полноценный отдых, как-то оживить его каждодневную жизнь. Он будет только крепче спать».

Сиракава, обычно не выносивший фамильярности и хамства, не вмешивался в эту психологическую травлю. Нежелание супруга пресечь дерзкие выходки забывших о приличиях подчиненных подсказало Томо, что он намеренно хранит нейтралитет и тем самым открыто демонстрирует свои намерения.

Да, Томо хорошо знала о слабости господина Сиракавы к женщинам. Она больше не испытывала той чистой, нежной любви, что пылала в ее сердце в первые годы замужества. Но ее по-прежнему страстно влекло к этому яркому, одаренному человеку, наделенному массой достоинств и невероятным мужским обаянием.

Быть супругой высокопоставленного чиновника, вести активную общественную жизнь, участвовать в светских мероприятиях – нелегкое дело. Томо родилась в бедной семье самурая низшего ранга из клана Хосокава и даже мечтать не могла о столь блестящей партии. Она вышла замуж накануне Реставрации Мэйдзи⁸, когда в стране назревал острый соци-

---

⁸ Реставрация Мэйдзи – политический переворот 1867 – 1868 гг., в результате которого последний военный правитель Японии, сёгун Есинобу Токугава, добровольно передал свои полномочия императору, была ликвидирована сословная система и проведены другие реформы, положившие конец изоляции страны в

ально-политический кризис. У Томо не было возможности получить приличное образование или приобрести навыки и знания, обязательные для молодой благовоспитанной особы.

По характеру прямая, бескомпромиссная, преданная, она была образцом японской женщины, подчиняла всю свою жизнь, волю, желания одной цели – служению семье. С фанатическим рвением выполняла каждодневные обязанности и всегда, ежеминутно, ежесекундно, была воплощением безупречности. Вся ее любовь и энергия изливались на мужа и членов семейства Сиракава.

Напряженный ритм жизни отнимал много сил, поэтому Томо выглядела значительно старше своего возраста. Красавицей ее никто бы не назвал, но она была достаточно привлекательна и уделяла много внимания своей внешности. Ее коже, волосам, фигуре могла бы позавидовать любая женщина. Однако врожденная требовательность, принципиальность, повышенное чувство личной ответственности за все происходящее на свете наложили на ее облик неизгладимый отпечаток, вытравили без остатка сочную чувственность зрелой женщины.

Томо была младше мужа на двенадцать лет, но господин Сиракава порой воспринимал жену как старшую сестру.

А между тем она была живой, пылкой, трепетной натурой. Только муж догадывался, какой яростный чувственный огонь пожирал ее изнутри, на поверхность через ледяной

панцирь сдержанности пробивались лишь слабые отсветы зарева. Порой Сиракава ощущал жар затаенного пламени. Эта жгучая страсть была подобна лучам солнца, которые дарят жизнь и одновременно неумолимо испепеляют все живое. В краю, где родилась и выросла Томо, раскаленное небесное светило так же безжалостно выжигало все вокруг.

Давным-давно, когда Сиракава служил в Ямагате, произошла неприятная история. Однажды ночью под сетку от комаров, оберегавшую сон супругов, заползла змея. Муж внезапно проснулся, почувствовав что-то холодное и скользкое под полами ночного кимоно. Он машинально провел рукой по коже. Извивающаяся струйка потекла вверх вдоль тела. С криком ужаса Сиракава вскочил на ноги. Томо резко села на постели; высоко подняв ночную лампу, взгляделась в мужа и заметила тонкую черную ленту у него на плече.

Сиракава крикнул: «Змея!» Томо, не раздумывая, молниеносно схватила блестящее чудовище, оттолкнув мужа, выскочила на энгаву⁹ и швырнула свою опасную ношу в сад.

Дрожь сотрясала тело молодой женщины, она тяжело дышала, воздух со свистом вырывался из горла.

Сиракава глаз не мог отвести от ее вздымавшейся груди, от белой обнаженной руки. Откуда в этом хрупком создании столько силы и бесстрашия? Что еще спрятано в тайниках ее души?

– Зачем ты выбросила ее? Я бы убил эту тварь! – негодо-

---

⁹ Энгава – крытая галерея с двух или трех сторон японского дома.

вал Сиракава, не желая показывать свою слабость и признавать превосходство жены.

Всеми фибрами души, каждой клеточкой тела он ощущал мощное, страстное сияние, исходящее от Томо, но не испытывал к ней никакого влечения. Она была сильнее, ее внутренняя властная энергия подавляла его. В присутствии жены Сиракава чувствовал себя слабым, пустым существом.

– Возводить девицу в ранг официальной наложницы... пожалуй, слишком много чести, – заявил Сиракава. – Она будет... она будет прислуживать и тебе, и мне. Служанка! Да, это неплохая идея! Молодая привлекательная женщина с хорошими манерами будет помогать тебе по хозяйству. Ты ее вышколишь, и она сможет успешно заменять тебя... в твое отсутствие. Мне не хочется вносить разлад в нашу размеренную семейную жизнь и приглашать в дом гейш или кого-нибудь еще в таком роде. Поручаю это дело тебе. Я верю, ты справишься с задачей. Постарайся, пожалуйста, подыскать молоденькую и совсем неопытную крошку. Вот, держи – это тебе на расходы. – Он сунул жене в руки деньги, очень много денег.

До этого момента Томо отгоняла от себя непрошенные мысли и делала вид, что ничего особенного в ее жизни не происходит. На болтовню злопыхателей и глупые слухи можно было не обращать внимания: мало ли кто что говорит. Но теперь она столкнулась с неизбежной реальностью. От-

ступать было некуда, прятаться – негде. Муж сам раскрыл свои карты и поставил ее перед фактом.

Томо понимала, что, если она откажется выполнять столь специфическое поручение, Сиракава все равно приведет в дом неизвестно кого и совсем перестанет советоваться с ней. Нет, она не должна отворачиваться и закрывать глаза на проблему. Муж доверился ей, зная, что на нее можно положиться. Да, он поручил ей, своей законной жене, подобрать для него наложницу. Возможно, это акт величайшего доверия? Сиракава как бы давал ей понять, что по-прежнему заботится о благополучии семьи и о положении супруги.

Доверие... Какое страшное, тяжкое бремя! Оно ледяной глыбой легло на сердце.

По дороге в Токио Томо изводила себя бессмысленными размышлениями и терзаниями. Ёси и Эцуко, не ведавшие печали, смеялись и щебетали без умолку. Что может быть увлекательнее поездки в столицу?!

Путь был неблизким, путешественникам пришлось несколько раз менять рикш.

– Понимаю-понимаю, – сказала Кин. – Я знакома с одной особой, владелицей галантерейной лавки. Она умеет... э-э... решать подобные задачи. Я немедленно обращусь к ней за советом.

Кин намеренно перешла на деловой тон. Ее голос звучал ровно, как будто речь шла о простых, обыденных вещах.

Мудрая женщина пыталась, как могла, облегчить страдания Томо.

Кин родилась в семье, которая испокон веков являлась официальным поставщиком риса ко двору сегуна¹⁰. Ей были хорошо известны нравы и обычаи богатых купцов и самураев, хранящих верность традициям старых феодальных времен. Поэтому просьба Томо удивила ее, но не шокировала. Что тут такого: преуспевающий мужчина вознамерился взять в дом одну или даже двух наложниц? По мнению госпожи Кусуми, в подобной ситуации ревнивая супруга должна была поглубже запрятать обиду и боль и довольствоваться осознанием важного факта: наложница в доме есть символ процветания семьи.

Стоял тихий вечер. Томо и ее дочка уже давно были в постели. Боясь разбудить гостей, Кин шепотом, поминутно поглядывая на потолок, пересказала Тоси свой разговор с госпожой Сиракавой.

Тоси неожиданно расстроилась, чем привела мать в изумление.

– Бедняжка!.. Ах, матушка, вы говорите, что в Томо появилось нечто странное, особенное, – печально молвила Тоси, – а мне кажется, что странность эта – результат ужасных

---

¹⁰ Сёгун – с 1192 года звание военных правителей Японии из феодальных кланов Минамото (1192 – 1333), Асикага (1335 – 1573) и Токугава (1603 – 1867). До Реставрации Мэйдзи сёгунам принадлежала фактическая власть над страной, в то время как императору отводилась чисто «декоративная» функция. (Примеч. ред.)

испытаний. Исключительность, обретенная в страданиях. Я была просто потрясена, увидев ее на пороге нашего дома. Как она изменилась!

– Что ж, люди, которым благоволит судьба, тоже имеют свою долю невзгод, – изрекла Кин. – В любом случае я помогу ей найти милую девушку покладистого нрава. Как я поняла, господин Сиракава надеется, что супруга подыщет ему неопытную девственницу или, на худой конец, малолетнюю гейшу-ученицу, еще никем не тронутую.

Если официальная резиденция главы префектуры поражала помпезностью, стерильной чистотой и ледяной бездушностью, то домик на берегу реки Сумиды был наполнен светлой радостью. Маленькая Эцуко чувствовала себя здесь легко и вольготно и любила проводить время в комнатах второго этажа, откуда открывался потрясающий вид на речное царство. Шорох тростников, крики чаек, шум волн и плеск рыб сливались в одну вечную прекрасную мелодию. Когда Тоси была занята по хозяйству, девочка бежала на берег. Она часами стояла на деревянных мостках и наблюдала за светлыми струями, искрившимися на солнце, прислушивалась к брани лодочников, сновавших вверх и вниз по течению в своих доверху наполненных суденышках.

Как-то раз бледное лицо Тоси мелькнуло в окне, и девочка услышала встревоженный голос:

– Будь осторожна, барышня Эцуко, как бы тебе не упасть.

В тот день Томо и Кин, как обычно, с утра уехали по делам.

– У меня все в порядке, – отозвалась Эцуко, одарив Тоси нежной улыбкой.

Девчушка была очаровательна: безупречный овал лица, блестящие черные волосы, подхваченные ярко-красной лентой. Она казалась старше своих лет: ребенок с недетским лицом.

– Иди ко мне, дорогая, – позвала Тоси. – У меня для тебя кое-что есть.

– Иду-иду! – крикнула Эцуко и послушно направилась к дому. Легкая, стройная, она шла по дорожке, плавно покачиваясь, красные рукава кимоно трепетали на ветру, как крылья бабочки.

В крошечном палисаднике под окнами дома выросло несколько бело-фиолетовых вьюнков. Хрупкие растения, обвившись вокруг тонких бамбуковых опор, тянулись к солнцу. Комната за раздвинутыми сёдзи казалась удивительной картиной, на которой запечатлена молодая женщина с рукоделием на коленях. Эцуко, как замороженная, застыла на дорожке. Она словно впервые увидела Тоси. Все вокруг стало странным, непривычным...

Тоси пошевелилась, и волшебство рассеялось.

Она высунула в окно руку и чем-то помахала прямо перед глазами девочки. Маленькая игрушечная обезьянка из красного шелка!

– Ой, какая прелесть! – воскликнула Эцуко, восторженно глядя на игрушку.

Девочка просияла от радости. Тоси, внимательно наблюдавшая за ней, получила подтверждение своим догадкам: Эцуко совершенно не скучала по матери.

– А где же твоя мамочка? – поинтересовалась Тоси, дергая за шнурок и заставляя обезьянку плясать в воздухе.

– Она хотела кого-то навестить, – безмятежно прошептала Эцуко.

– Ты, наверно, скучаешь по ней, милая?

– Да, – спокойно ответила девочка, ее взгляд был по-прежнему чист и ясен. – Но у меня ведь есть Ёси.

– Ах да, конечно... Ёси всегда рядом с тобой, – кивнула Тоси. – А дома мамочка тоже всегда так занята?

– Да. – Нежный голосок Эцуко звенел, как колокольчик. – К нам приходят знакомые.

– А твой отец часто отлучается по делам?

– Да! Он каждый день уезжает в канцелярию. Его приглашают на всякие встречи, важные особы наносят ему визиты... Иногда я его совсем не вижу.

– Понятно... А сколько у вас служанок в доме?

– Три: Ёси, Сэки и Кими. Еще у нас есть управляющий и слуга.

– Ясно-ясно. У вас действительно большое хозяйство, правда? Неудивительно, что твоя мамочка все время занята.

Тоси отложила шитье в сторону и погрузилась в размыш-

ления. Она думала о девушке, которую Томо должна найти в Токио и привезти в свой дом в префектуре Фукусима. Последствия могут быть непредсказуемыми. И неизвестно, как эти события повлияют на Эцуко...

Тем временем Кин привела Томо к своему старому знакомому, мужчине-гейше. Все трое сидели на втором этаже чайного домика, расположенного на берегу реки в Янагибаси. Этот район издавна славился обилием увеселительных заведений и пестрым роем гейш.

Кин старалась держаться в тени, делая вид, что просто сопровождает свою гостью.

Дзэнко, щеголеватый молодой человек, был выходцем из семьи хатамото¹¹, многие поколения которой верой и правдой служили сёгунам Токугава. Жизнь научила его вертеться, и он хорошо усвоил ее суровые уроки. В общении был прост и учтив, никогда не переходил грань приличий, избегал развязной манерности и грубой навязчивости, столь характерных для людей его профессии.

– Так-так... Взвесив все услышанное, должен сказать следующее: дело ваше сложное. Конечно, у нас тут есть парочка довольно привлекательных девушек. Кстати, они скоро появятся.

Молодой человек, невозмутимо поглядывая на собеседниц, рассеянно вертел в пальцах тонкую серебряную кури-

---

¹¹ Хатамото – вассал сёгуна.

тельную трубку, точно не знал, что с ней делать. В глубине души он испытывал глубочайшее отвращение к какому-то выскочке, богачу чинуше из глубинки. Откуда только берутся такие господа? Заставлять молодую женщину блуждать по сомнительным местам и выбирать наложницу для утех собственного мужа?! Дзэнко еще раз убедился в справедливости своей неприязни к провинциалам.

Он сидел и смотрел на Томо. Что-то в этой женщине притягивало его. От нее исходила невероятная внутренняя сила. Он ощущал это всем своим существом, истерзанным сердцем, где еще теплилась вера в честь, порядочность, доброту.

Дзэнко интуитивно понимал, что движет этой женщиной. Гордость? Возможно... Что угодно, но только не гордыня, не покорная слабость и не приспособленческая беспринципность. Это было нечто такое, что не поддавалось определению, но и не выходило за рамки традиционной шкалы ценностей. Презирать такую женщину или насмеяться над ней было просто невозможно.

– Между прочим, даже если нам, женщинам, и понравится какая-нибудь девица, это еще не значит, что наша избранница придется по вкусу мужчине. Вы со мной согласны? – спросила Кин. Охотница поболтать, она с удовольствием приняла из рук Дзэнко очередную порцию сакэ и покосилась на Томо.

– Ладно-ладно, будет вам! – запротестовал Дзэнко. – Какая разница, кто нравится или не нравится мне? Вот, например, современные школьницы: новомодные стрижки, корот-

кие челки, всякие заграничные штучки, заморские зонтики. Что касается меня, то я просто не...

– Успокойтесь, уважаемый, госпоже не нужна девушка, которая годилась бы в любовницы какому-нибудь иностранцу. Между прочим, я почти уверена: если бы вы как следует поискали среди малолетних гейш-учениц из вашего окружения, обязательно нашли бы красавиц, словно сошедших с гравюр мастеров укиё-э¹².

– Увы, беда в том, что я всегда говорю то, что думаю, а молоденьким девушкам это не нравится, и они не хотят иметь со мной ничего общего!

Не успел Дзэнко договорить, как на лестнице раздались шаги, послышались оживленные голоса, и в комнату вошли несколько юных хангёку¹³ во главе с гейшей-наставницей.

– Мы не опоздали? – спросила последняя у Дзэнко и, взяв у служанки сямисэн¹⁴, принялась его настраивать.

Посетители чайного домика ловко скрыли свои истинные намерения. Они поведали старшей гейше, что приезжая дама, жена высокопоставленного чиновника из провинции, желает ознакомиться с достопримечательностями Токио и меч-

---

¹² Укиё-э – «картины изменчивого мира» (яп.) направление в японском искусстве эпохи Токугава (XVIII–XIX вв.), посвященное изображению сценок городской жизни; одна из самых популярных тем портреты красавиц из «веселых кварталов». (Примеч. ред.)

¹³ Хангёку – недоучившаяся молоденькая гейша.

¹⁴ Сямисэн – японский трехструнный музыкальный инструмент с длинным безладовым грифом.

тает увидеть знаменитый танец хангёку.

Юные девушки в ярких нарядах, которые обычно одевают только на вечерние представления, походили на пестрый цветник. Задрожали струны сямисэна. Будущие гейши парами по очереди выходили на небольшой помост и выполняли танцевальные композиции. Несколько девушек старательно обслуживали гостей. Они, как пчелки, хлопотали вокруг стола, приносили и уносили тарелки и мисочки, подливали всем сакэ.

Томо не любила рисовое вино, но время от времени подносила к губам свою чашечку, чтобы чем-нибудь занять руки. Ее взгляд тревожно метался с одного лица на другое. А вокруг гейши-бабочки танцевали, гейши-служанки приносили закуски, гейши-собеседницы, склонив головы, беседовали с Дзэнко и Кин. Все девушки притягивали взоры гостей. Одна пара танцовщиц показалась им невероятно красивой. Но тут гейша плавно подняла руку вверх, широкий рукав кимоно скользнул вниз, и обнажились запястье и локоть – кожа да кости! А вторая улыбнулась, и у нее пролегли глубокие складки от крыльев носа к губам. В лице появилось что-то грубое, жестокое, и девушка стала похожа на цаплю.

Томо содрогнулась: перспектива изо дня в день много лет подряд видеть у себя дома такую особу привела ее в ужас. И в первый раз за последнее время она вздохнула с облегчением: по крайней мере, право выбора юной наложницы даровано лично ей.

Гейши упорхнули. Томо была разочарована и поделилась своими впечатлениями с Кин.

– О, вы весьма проникательны. У вас наметанный глаз, – заметил Дзэнко.

Кин хранила молчание. Уже много дней подряд она активно помогала Томо в утомительных поисках подходящей девушки. Критическую оценку пристрастных судей получил не один десяток юных созданий. Томо все больше удивляла и даже пугала Кин верностью и точностью суждений, невероятной интуицией и обостренной восприимчивостью. Кин такого никак не ожидала. Томо, которая никогда бы не позволила себе давать субъективную оценку окружающим, будь то положительную или отрицательную, в чрезвычайной ситуации оказалась способна мгновенно постигать глубинную сущность мелькавших перед ней женщин.

«Смотрины» девицы, которую привела владелица галантерейной лавки, также окончились ничем. Тихое, скромное создание с нежной розовой кожей и правильными чертами лица покорило Кин. Но Томо, едва взглянув на девушку, отрицательно покачала головой.

– Сказали, что ей шестнадцать лет, – проговорила Томо со вздохом сожаления. – А на самом деле ей никак не меньше восемнадцати. Кроме того, мне кажется, с невинностью она распрощалась давным-давно.

Кин скептически отнеслась к словам госпожи Сиракавы, но позже выяснилось, что у девушки действительно была ин-

трижка с мужем старшей сестры.

– От вас ничего не скроешь! Как вам это удастся? – удивленно спросила Кин, задумчиво глядя на Томо.

Но та лишь потупилась и повела плечами, словно собственная пронизательность поражала ее саму.

– Я не всегда была такой, – с горечью сказала Томо.

Да, она изменилась, и это не радовало ее. Казалось, страдания развили в ней удивительную способность видеть женщин насквозь, проникать в самые темные уголки человеческой души. Господину Сиракаве ведь и в голову не приходило скрывать свои бесчисленные любовные похождения от жены, он обрекал ее на участь безмолвного наблюдателя.

Кин обычно была безучастна к проблемам и переживаниям других людей. Но мало-помалу тесное общение с Томо, совместные поиски подходящей наложницы заставили ее присмотреться к молодой женщине и почувствовать ее уникальность, «исключительность, обретенную в страданиях». Именно так и сказала Тоси.

Томо сидела у туалетного столика и перебирала фото-портреты претенденток. Эцуко тихо подошла к матери и заглянула ей через плечо.

– Ох, какие красавицы! Кто это, мамочка? – с любопытством спросила девочка, грациозно склонив головку набок. Красный бант, как живой, дрогнул в черных волосах.

Томо молча протянула дочери несколько снимков.

– Эцуко, какая из них тебе нравится больше всех?

– Ой, дайте посмотреть... – Девочка веером развернула в руках фотографии. – Вот эта, – почти сразу произнесла она звонким голосом и ткнула пальцем в одну из карточек.

Это был прекрасный фотопортрет совсем юной девушки, лет четырнадцати. Темный фон оттенял бледное тонкое лицо, густые шелковистые волосы, собранные в модную высокую прическу, и изящные руки, сложенные на коленях. Четкая красивая линия волос над высоким выпуклым лбом напоминала своими очертаниями священную Фудзияму, дивные глаза мерцали, как агаты. Восприимчивая к красоте Эцуко была потрясена до глубины души.

– Понятно. Значит, и тебе тоже... – удивленно протянула Томо и, взяв фотокарточку, еще раз посмотрела на портрет.

– Мамочка, скажите мне, кто это?

– Потерпи, милая, скоро все узнаешь, – тихо проговорила Томо, собирая снимки в аккуратную стопку.

Фотокарточки несколько дней назад прислал Дзэнко Сакурагава, мужчина-гейша из Янагибаси.

Непросто было Томо сделать окончательный выбор. Уже больше месяца она жила в доме Кин, но так пока и не нашла ту единственную, которую можно было бы представить господину Сиракаве. Томо несколько раз в письмах объясняла мужу, что выполнить его задание нелегко, но девушка, которую она выберет, обязательно ему понравится. В ответных посланиях Сиракава просил жену не спешить и постараться угодить ему.

Время летело незаметно. Кончился сезон дождей¹⁵, установилась ясная теплая погода. С каждым днем беспокойство Томо становилось все более мучительным: поиски не приносят результата, муж лишен ее заботы и внимания, дом остался без хозяйки.

И вот наконец Дзэнко прислал фотографии. Госпожа Кин была немедленно оповещена, что выбор сделан.

Девушку звали Сугэ, ей только-только исполнилось пятнадцать лет. Ее отец торговал упаковочным материалом из бамбука. Сугэ с раннего детства обучалась танцам в стиле Нисикава, была прелестна, грациозна и всегда пользовалась огромным успехом на представлениях, организованных школой танцев.

Мать Сугэ и старший брат, к которому перешло дело, были честными, порядочными людьми. Один из служащих магазина на протяжении нескольких лет обворовывал своих хозяев. И для семьи наступили тяжелые времена. Оставалось одно: либо закрыть магазин, либо продать Сугэ в «веселый дом».

У несчастной матери и в мыслях не было превращать дочку в наложницу, толкать ее в объятия какого-нибудь богато-го мужчины. Но учительница танцев, приятельница Дзэнко, прослышала о прихоти господина Сиракавы. Поразмыслив, она решила, что Сугэ лучше оказаться в услужении в приличном доме, нежели стать гейшей, жизненный путь которой

---

¹⁵ Сезон дождей (цую) продолжается в Японии весь июнь. (Примеч. ред.)

извилист и тернист.

– Она очень тихая, скромная девушка, – сказала учительница танцев. – В Токио редко встретишь женщину с такой нежной, белой кожей. Когда она посещает общественную баню, детишки сбегаются посмотреть на невиданное чудо.

Прошло несколько дней. Школа танцев давала очередное представление для публики. Сугэ должна была исполнить композицию «Цветение сливы».

Томо и Кин не могли пропустить представление, и в компании Дзэнко отправились к дому наставницы. Все складывалось как нельзя лучше. Можно было беспрепятственно разглядеть девушку, не привлекая лишнего внимания.

Учительница танцев жила на узкой улице в квартале Коку среди крупных коммерсантов и владельцев складов. Дом, со всех сторон зажатый другими строениями, выглядел неказистым. На втором этаже была обустроена небольшая сцена.

Когда Томо и ее спутники поднялись наверх, представление было в разгаре. Под звуки сямисэна танцевала совсем маленькая девочка.

Учительница заметила гостей и, не переставая перебирать струны, едва кивнула им. Ее губы раздвинулись в улыбке, обнажив вычерненные по древней традиции зубы. Живые глаза многозначительно блестели.

Гости заранее сговорились с учительницей и пришли к выступлению Сугэ.

В маленьком зале яблоку негде было упасть. Ученицы си-

дели на полу и не спускали глаз со сцены. На всех девушках были летние легкие кимоно, подвязанные широкими поясами-оби красного цвета. Одна ученица резко выделялась на фоне пестрого цветника. Она держалась немного в стороне от остальных. Как же прекрасна она была! Гости замерли, узнав Сугэ.

Чуть подавшись вперед, она застыла в грациозной позе. Казалось, ни теснота, ни духота не беспокоили ее. Вокруг же все шушукались, смеялись, без конца расправляли складки своих нарядов и обмахивались веерами.

У Сугэ была чудесная, вполне сформировавшаяся фигура. Лицо дышало удивительной чистотой и детской безмятежностью. Фотография полностью соответствовала оригиналу!

Огромные глаза взирали на мир ясно и просто. Прозрачная белизна кожи могла сравниться лишь с белизной тончайшей рисовой бумаги. Иссиня-черные волосы оттеняли прекрасные черты, крутой излом бровей, темную глубину глаз.

Сугэ обладала необычной, яркой красотой и словно рождена была для сцены.

У Томо перехватило дыхание от противоречивых чувств: Сугэ великолепна... и только! Ее красота была проявлением чисто физического совершенства, кукольная красота, не согретая внутренним огнем трепещущей души и горячего сердца.

Но какая удивительная, первозданная чистота и невин-

ность! Вот Сугэ обратилась к своей подруге, ее голос звенел тихо, мелодично, как лесной ручей. Она произнесла несколько слов, устремив взгляд в пол, потом подняла глаза на собеседницу и внимательно выслушала ответ. Никакой фальши, манерности – естественная простота и вежливость.

Маленькая танцовщица убежала со сцены. Наставница передала сямисэн своей помощнице, сказала:

– Теперь ты, Сугэ, – и, встав с пола, подошла к гостям.

Сугэ легко поднялась на ноги, придерживая пальчиками кимоно, и, смущенно кланяясь, направилась к сцене. Да, именно ее Томо выделила из пестрой толпы гейш-учениц.

– А вот и она, – спокойно проговорила учительница, бросив пыливый взгляд на Томо и Кин. Дрогнули струны сямисэна. – Милая прелестная девочка. Я уверена, у вас с ней не будет проблем, она легко и быстро обучится всему необходимому.

Отточенные движения юной танцовщицы за froze зрителей. Наставница время от времени вполголоса комментировала выступление.

Несмотря на ослепительную красоту, гибкость и пластичность, Сугэ оказалась настолько застенчивой, что ее движения были лишены огня, искрометности и экспрессивности. Девушка словно стыдилась открыто демонстрировать свое мастерство. Да, в угоду родителям она приобрела навыки и изысканные манеры, обучилась всем женским премудростям и хитростям, но все это было чуждо ее натуре. Тихая, за-

мкнутая, стеснительная, она вряд ли сможет когда-либо преуспеть как гейша – это было очевидно.

Миазмы большого города, шум и суэта утомляли, отравляли Сугэ. Она интуитивно чувствовала, что душевное спокойствие и равновесие ей удастся обрести только в уединенном месте, на природе, среди зеленых лугов и прозрачных ручейков.

Учительница рассказала гостям, что мать Сугэ – хорошая, заботливая женщина. Узнав о том, что ее дочке, возможно, придется уехать в далекую префектуру Фукусима, она разрылась слезами. Что же будет, если ее девочка приглянется господам и те возьмут ее в свой дом? Старая женщина твердо решила встретиться с госпожой хозяйкой и все-все с ней обсудить. Судьба девочки во многом будет зависеть от характера и настроений госпожи Сиракавы. Ситуация складывалась непростая, ничто нельзя было предсказать заранее.

В беседе с наставницей в основном участвовали Кин и Дзэнко. Казалось, Томо была всецело поглощена выступлением Сугэ, но на самом деле она не пропустила ни одного слова. Она все больше и больше убеждалась в том, что Сугэ выросла в атмосфере добра и любви. Преданная мать всегда трепетно заботилась о своем ребенке. «Дочь такой женщины не может быть испорченной, самовлюбленной эгоисткой, – подумала Томо. – Девочка наверняка отзывчива, послушна, услужлива. Свои обязанности она будет выполнять превосходно».

Томо постаралась беспристрастно оценить выступление юной танцовщицы. Но нет, не было в ее движениях блеска, живой страсти! Глаза прикрыты ресницами, губы плотно сжаты – никому не позволит она проникнуть в тайны своей души. Как ни странно, это открытие не расстроило Томо. Она ведь интуитивно искала именно такую – тихую и послушную девушку. Дерзкие, своевольные личности пугали и отталкивали ее. Совсем юная, неискушенная, робкая Сугэ идеально подходила на роль «другой женщины» в доме.

– Очень мила, по-моему, то, что надо, – заявил Дзэнко, как только все вышли на улицу. – Она не создана быть гейшей, – продолжал он. – Такие скромницы не пользуются особым спросом.

– Вы в этом уверены? – спросила Кин с сомнением в голосе. – Она так прелестна!

– Одних внешних данных недостаточно, – пожал плечами Дзэнко. – Поймите, она окончателно повзрослеет и расцветет лет эдак через десять. Это очень важное обстоятельство.

– Да, наверное, вы правы. – Томо пронзила ледяная дрожь. Ей вдруг показалось, что она прикоснулась к лезвию меча. Подобное ощущение возникло у нее и во время танца «Цветение сливы».

Скованная грация движений, наклон головы, повороты и трепет гибкого тела были девственно чисты, непорочны и одновременно чарующе обольстительны. Танец рассказывал о чувственной любви мужчины и женщины, но исполняла его

простодушная девочка, почти ребенок.

Томо смотрела и смотрела на юное создание, такое невинно грациозное и безумно соблазнительное в каждом взмахе руки, в покачивании плеч, и невольно думала: «Что мы делаем? Какую травму нанесем этой девочке? Что вылепит из нее Сиракава, когда она попадет в его ловкие, умелые руки?»

Томо, задержав дыхание, непроизвольно зажмурилась. Она вдруг ясно представила себе мужа, сжимающего в страстных объятиях хрупкую Сугэ. Удушливая волна обрушилась на Томо. Судорожно вздохнув, она широко распахнула глаза, сиюсь отогнать от себя кошмарное видение. И тут же ее затопила жалость к белокожей малютке, которая, как большая бабочка, порхала перед ней. И одновременно ревность, жгучая ревность болезненной судорогой пронзила дрожащее от напряжения тело Томо.

Все это время ее мозг будто дремал, оглушенный бесконечными поисками. Она жила и действовала бездумно, отстраненно, как заводная кукла, ничего не ощущая. Но внезапно размытый, неопределенный образ наложницы начал приобретать реальные черты. Томо, словно очнувшись от эмоциональной спячки, вдруг почувствовала, что в ней нарастает неумный голод, как бывает в дни поста. Но думала она, конечно же, не о еде. Она осознала, что собственноручно отдает мужа другой женщине, и задохнулась от боли. Мужчина, который спокойно, с безразличной усмешкой принимает жене такие страдания, – чудовище, жестокое и бес-

сердечное.

Муж был для Томо центром вселенной, вся ее жизнь была подчинена служению этому божеству. Восстать и низвергнуть идола она не могла, она бы одновременно разрушила и себя.

И была любовь... Жар страсти затмевал доводы рассудка, слепил глаза. Безответная любовь испепеляла Томо. Она дарила, щедро отдавала всю себя, целиком, а в ответ не получала ничего. Но, несмотря ни на что, мысль уйти от мужа никогда не приходила ей в голову. Да, Томо была прикована к супругу крепкими цепями: хозяйство, налаженная жизнь, деньги, сын Митимаса и дочь Эцуко. Но сильнее всего было страстное желание любой ценой заставить мужа услышать биение ее сердца, заставить его понять ее сокровенные мечты. Потому что только он один мог наполнить радостью ее тело и душу.

А теперь другой человек, красивая девочка, встанет между супругами. Сиракава и прежде не баловал Томо особым вниманием и заботой, а с появлением прелестной наложницы он и вовсе отдалится от жены.

Томо отослала мужу фотографию Сугэ, одобрительный ответ пришел незамедлительно.

Ночью Томо проснулась от собственного крика. Ей приснилось, что она задушила мужа. Женщина очнулась вся в поту. Скрюченные, побелевшие от напряжения пальцы дро-

жали. Она все еще ощущала, как мертвой хваткой сжимает горло Сиракавы.

В ужасе Томо резко села на постели, а потом, обхватив себя руками, стала раскачиваться с монотонной, маниакальной одержимостью.

Рядом на футоне¹⁶ мирно спала Эцуко. В тусклом свете ночника четко выделялся тонкий, бледный профиль девочки. Томо впиалась взглядом в лицо дочери. Она чуть не задохнулась от прилива безумной любви к малышке. Сколько незамутненной прелести и чистоты в этих милых чертах, припухших губках и щечках! Когда Эцуко проснется, безмятежность уступит место недетской озабоченности и серьезности. Томо так боялась запятнать эту чистоту, что намеренно сторонилась дочери, прятала свою любовь глубоко-глубоко внутри. Бедная, обездоленная крошка вынуждена была черпать нежность и доброту в другом источнике. Она была намного сильнее привязана к служанкам, чем к родной матери.

Эцуко никогда не узнает, как ее несчастная мать, очнувшись от страшных видений, лежала в постели без сна и глазами, полными слез, смотрела на свою девочку, на этот маленький родничок, с вожделением и отчаянием путника, которому не суждено добраться через раскаленную мертвую пустыню к хрустальному источнику.

---

¹⁶ Футон – стеганный тюфяк; используется в качестве постели и расстилается прямо на полу, на циновках.

Когда Сугэ с матерью пришли в дом госпожи Кусуми, Эцуко уже знала, что красавица с фотографии поедет вместе с ними в далекую Фукусиму. Восторгам девочки не было предела.

– Какая же она хорошенькая! Чудо, правда? Это девушка с фотографии?! – радостно восклицала Эцуко. – А что она будет делать у нас дома?

– Она будет прислуживать твоему отцу, – сказала Томо, отводя взгляд.

– Так же, как Сэки?

– Ну да... наверное.

Эцуко поджала губки, почувствовав, что дальнейшие расспросы вызовут недовольство матери. Ёси, которой строго-настрого было приказано хранить молчание, не проронила ни слова.

В душе Томо бушевала буря чувств, но она взяла себя в руки и любезно поговорила с матерью Сугэ. Это была полная невысокая женщина с простым круглым лицом и курносом носом. Она испытывала стыд и огромную вину перед дочерью – ведь фактически мать продавала своего ребенка – и с мольбой взывала к Томо, цепляясь за нее, как утопающий за соломинку. Она говорила без умолку, повторяя, что Сугэ не очень выносливая и вообще еще «даже не женщина».

– Ох, мне стало немного легче, – призналась она позже Кин, смущенно поглядывая на Томо, – когда я поняла, какая добрая, замечательная хозяйка будет у моей доченьки.

Госпожа пообещала мне позаботиться о моей девочке, если в будущем хозяин почему-либо откажется от ее услуг.

Томо была покорена наивной доверчивостью и искренностью матери Сугэ. Не таясь, не кривя душой, та открыто делилась своими страхами и переживаниями. Томо дала себе слово оберегать Сугэ от возможных злоключений. Госпожа Сиракава сознательно брала на себя ответственность за все, что есть и будет, за здоровье и безопасность девочки. А ведь законная жена прекрасно понимала, что юная наложница окончательно лишит ее любви мужа.

Какая ирония судьбы! Горькая улыбка скользнула по губам Томо. Лишь на несколько секунд она позволила себе сбросить маску равнодушной беспристрастности, чтобы тут же снова надеть ее. И лицо ее вновь сделалось спокойным, безучастным, в то время как сердце разрывалось от боли.

Вскоре после праздника Бон¹⁷ Томо засобиравшись домой. Чтобы как следует разместиться, пришлось нанять четырех рикш.

Сугэ в светло-лиловом кимоно с ярким рисунком ехала в одной коляске с Эцуко, которая не желала расставаться с новой подругой.

– О, она, видимо, пришлась по душе и маленькой госпоже, – сказала Кин дочери, когда они, проводив гостей, возвращались в дом. Коляска рикши почти скрылась из вида,

---

¹⁷ Бон – день поминовения предков; отмечается с 13 по 15 июля.

увозя вдаль бесценный груз: два прелестных цветка, большой и маленький. – Да, печальная история...

Кин сняла фартук, деловито сложила его и взглянула на дочь. Тоси, прихрамывая, подошла к окну.

– Этот господин Сиракава... злой, жестокий человек, правда? – медленно произнесла она. – Мне жаль их, всех троих: хозяйку, маленькую барышню и Сугэ... Так жаль, что плакать хочется... – Девушка смахнула несколько слезинок с ресниц и принялась за шитье.

Глава 2

Зеленый виноград

Когда-то в этой гостинице останавливались сёгуны, но и по сей день «Камису-я» считается лучшим заведением подобного рода в Уцуномии. Именно здесь отдыхают во время путешествий важные господа.

Двое мужчин сидели на энгаве второго яруса. Они увлеченно играли в го¹⁸. Зеленые бамбуковые шторы были подняты, и прохладный ветерок резвился, не ведая препятствий.

На удобном месте расположился Юкитомо Сиракава, глава канцелярии префектуры Фукусима. Напротив сидел его помощник по фамилии Ооно, беспрекословно выполнявший все поручения начальника.

Юкитомо Сиракава был видной фигурой на политическом небосклоне. Он являлся правой рукой губернатора Митиаки Кавасимы, одного из самых влиятельных членов правительства. Господина Кавасиму все так боялись, что, по слухам, его именем пугали маленьких детей. Стоило только упомянуть о зловещем губернаторе, как самый непослушный шалун становился тихим, покладистым ребенком. Юкитомо Сиракава слыл верным соратником Кавасимы во всех

---

¹⁸ Го – китайская настольная игра с черными и белыми фишками для двух партнеров.

политических начинаниях и ярким противником движения за гражданские права.

Сиракава был строен и худощав. Тонкое льняное кимоно, отделанное светло-голубой лентой, казалось непомерно огромным на его сухопаром теле. Внешностью он обладал примечательной: вытянутое бледное лицо, ястребиный нос, тонкие, язвительно искривленные губы. Обычно Сиракава придавал своему лицу приторно-кроткое выражение, но в его темных глазах время от времени вспыхивал такой яростный, злобный огонь, что у очевидцев столь жуткой метаморфозы невольно возникала мысль о психической неуравновешенности этого тяжелого, непредсказуемого человека.

Сиракава мог ввести в заблуждение кого угодно. Он любил разыгрывать роль эдакого скромного господина средних лет, вежливого, меланхоличного. Как же обманчив был его облик!

– Они немного запаздывают, – сказал Оно, собирая черные фишки.

Сиракава поднес к губам тонкую серебряную трубку, затянулся и выпустил в воздух струйку табачного дыма. Неторопливо поднес к глазам золотые часы, прикрепленные цепочкой к поясу, и медленно произнес:

– Гм, скоро пять. Думаю, они вот-вот появятся. Слуга уже выехал им навстречу. Так что они не заблудятся.

Всем своим видом Сиракава являл непоколебимое спокойствие. Нетерпение, пожиравшее его изнутри, внешне ни-

как не проявлялось.

Ооно переложил доску для игры в го на татами¹⁹, предвзвременно убедившись, что вокруг нет пыли. Господин префект был чрезвычайно брезглив и чистолютен.

Юкитомо Сиракава прибыл в гостиницу еще накануне, сославшись на необходимость заглянуть в канцелярию префектуры Тотиги. На самом деле ему, видимо, хотелось поскорее увидеть жену и дочь, которые были в отъезде почти три месяца.

До Ооно, правда, дошли слухи, что господина префекта интересовала вовсе не встреча с близкими, а нечто совсем другое. На днях он заскочил в резиденцию префекта и кое-что узнал.

– Говорят, она потрясающая красotka, – возбужденно шептал управляющий, многозначительно поглядывая на Ооно. – Но все равно, наш хозяин все-таки странный человек: послать законную жену в Токио, чтобы она привезла в дом наложницу! – Казалось, даже выдавший виды старик был сражен таким скорбным фактом.

Ооно не раз слышал о похождениях и чудачествах господина префекта. Как-то сам губернатор игриво заметил, что если Сиракава не может отказаться от некоторых развлечений, то ради спокойствия в семье он должен поселить в доме

---

¹⁹ Татами – плетеные циновки стандартного размера (190 x 95 см), которыми застилают пол в традиционном японском доме; числом татами определяется площадь жилых помещений.

парочку наложниц. Ни для кого ведь не было секретом, что Сиракава постоянно навещался к гейшам.

Но Ооно, как и управляющий, придерживался общепринятых норм поведения. Он был страшно поражен, узнав, что госпожа Сиракава отправилась в Токио, чтобы по своему вкусу выбрать девушку для определенных целей. Ооно не мог понять, как добропорядочная женщина могла отважиться на такую авантюру: искать по всему Токио наложницу для собственного мужа! Но быть может, семейная жизнь с высокомерным гордецом и деспотом так сильно изменила, исковеркала госпожу Сиракаву, что постичь ее характер уже невозможно?

С улицы донесся шум и скрип колес: прибыли рикши. Поднялась суматоха, беготня, тут и там раздавались голоса.

– Похоже, это они! – воскликнул Ооно и, вскочив на ноги, бросился к лестнице.

Спустя час Томо привела к мужу свою подопечную.

– Это Сугэ, она приехала со мной, чтобы помогать в доме по хозяйству...

Томо и Эцуко уже успели повидаться с Сиракавой, в то время как Сугэ терпеливо дожидалась своего часа в покоях нижнего яруса гостиницы.

По распоряжению Томо обе девочки приняли ванну. Потом хозяйка усадила Сугэ перед зеркалом и сама сделала ей аккуратную прическу. После купания густые волосы Сугэ

блестели, как черный лак, и расчесать их было непросто. Прихорашивая девушку, Томо любовалась прелестью юного создания. Она потратила на поиски этой жемчужины много сил и времени, заплатила матери Сугэ огромную сумму денег, и, естественно, теперь ей хотелось, чтобы малютка выглядела наилучшим образом. Пусть Сиракава, большой знаток женской красоты, по достоинству оценит выбор супруги.

Девушка была чистейшей воды бриллиантом, и Томо сделала все, чтобы оправа полностью соответствовала уникальной драгоценности.

Ей стало немного не по себе, когда в комнату робко вошла Эцуко и замерла, изумленно разглядывая сидевшую перед зеркалом Сугэ, точно это была большая кукла.

– Ой, какие красивые украшения в волосах! – восторженно воскликнула Эцуко.

– У меня совсем нет опыта, мой господин, но я надеюсь, что смогу услужить вам, – дрожащим голосом пролепетала Сугэ.

Стоя на коленях, она, как учила ее мать, поклонилась низко-низко и смиренно коснулась лбом пола. Хрупкая фигурка, закутанная в шелковое лиловое кимоно, походила на поникший цветок ириса. Пятнадцатилетнюю девочку родные принесли в жертву во имя благополучия семьи. Что ждет ее в чужом богатом доме? Сугэ не имела об этом ни малейшего представления.

Все наставления матери сводились к одному: она, Сугэ, поступает на пожизненную службу в дом господина Сиракавы и должна угодить его превосходительству. Как именно? Сугэ не знала ответа. Она холодела от ужаса, вспоминая слова матери. Выходило, что ей до конца дней своих придется всячески обхаживать хозяина, потакать всем его прихотям, подчиняться даже самым невероятным требованиям и приказам, беспрекословно выполнять все его желания.

Бедняжка совсем приуныла. К счастью, она успела сдружиться с девятилетней Эцуко за те несколько дней, что они провели вместе в Токио. Да и госпожу нельзя было назвать злой и бессердечной. Конечно, она была сдержанна и холодна, но это свойственно выходцам из провинции.

Сугэ понимала, что отныне самым главным человеком в ее жизни становится хозяин. Одна мысль о нем повергала девушку в трепет. Она так мало о нем знала! Мужчина в расцвете лет, намного старше своей жены, занимает очень высокий пост, часто замещает самого губернатора...

О, что станется с нею, если хозяин вдруг разгневется и накричит на нее? – спрашивала себя Сугэ. В Токио, по крайней мере, можно было бы все бросить и убежать домой, к матери. Но здесь, в Фукусиме, она одна-одинешенька... Бедняжка чувствовала себя такой несчастной, жалкой, потерянной, что едва сдерживала рыдания.

– Значит, Сугэ, да? Что ж, хорошее имя. Скажи мне, сколько тебе лет?

– Пятнадцать, мой господин.

Девушка старалась спокойно отвечать на вопросы и ничем не выдавать своего отчаяния. Ее застывшее лицо побледнело, к глазам подступили слезы.

Желтый свет лампы, точно на сцене, выхватывал из сумрака девичью фигурку, озарял нежное личико, подчеркивал четкую линию бровей, отражался в испуганных, широко распахнутых глазах.

Сиракава невольно вздрогнул. Чистый, светлый лик всколыхнул в его памяти давнее воспоминание: много лет назад на празднике цветения сакуры он видел подобную красавицу. Это была известная куртизанка Имамурасаки, со своей свитой она проезжала по улицам Ёсивары...

– После Токио тебе здесь, в глубинке, наверное, скучно и одиноко?

– Нет-нет, что вы, господин!

– Тебе нравится театр Кабуки?

– Да, конечно да, господин, – встрепенулась Сугэ и потупилась, испугавшись, что ответила неудачно.

– Жене тоже нравится, – со смехом заметил Сиракава. – У нас в Фукусиме тоже есть театр, представляешь? Сейчас гастролирует какой-то известный актер из Осаки. Я обязательно свожу тебя в театр, как только мы вернемся домой.

Хозяин был настроен благодушно, но каждое слово, произнесенное мягким, вкрадчивым голосом, обрушивалось на девушку раскатом грома. Правда, вскоре он отпустил ее, ска-

зав:

– Можешь идти, тебе необходимо как следует отдохнуть.

Напряжение понемногу спало, и Сугэ на коленях медленно заскользила к выходу.

– Боюсь, она слишком застенчива и легкоранима, – нерешительно проговорила Томо. Посмотрев на девушку, она повернулась к мужу.

Сиракава чуть прищурился, его глаза горели жадно, хищно. Томо хорошо знала этот страстный сумеречный взгляд. Когда у Сиракавы вспыхивал интерес к женщине, его взгляд всегда становился таким опасно манящим и обольстительно властным. И каждый раз память услужливо подбрасывала Томо воспоминания о пережитом счастье в объятиях этого мужчины. Как давно это было! Все осталось в прошлом. Волны безысходного отчаяния туманили сознание, сердце мучительно сжималось, душа безмолвно стонала. Теперь другие женщины пробуждали в Сиракаве желание, теперь других он одаривал своим магическим, завораживающим взглядом.

– Ты так считаешь? На вид она такая нежная... Но это же очень хорошо, правда? Уверен, эта девочка станет замечательной подругой нашей Эцуко.

Его голос звучал бесстрастно, но ноздри вздрагивали, глаза жадно шарили по телу Сугэ, задерживаясь на груди и бедрах. Наконец девушка поднялась на ноги, как-то неловко, по-детски путаясь в складках кимоно, и выскочила вон.

Робкие, стыдливые движения этого обворожительного,

обольстительного и одновременно невинного существа напомнили Сиракаве юную Томо, которой минуло четырнадцать лет, когда свекровь привезла ее в семью.

Сравнение привело господина префекта в восторг. Он мечтательно усмехнулся: формы Сугэ отличались все-таки большей пышностью и округлостью. Он был чрезвычайно доволен. Супруга в точности исполнила его приказание и нашла девушку невинную, неискушенную. Да, Сугэ конечно же будет прислуживать и хозяйке... На мгновение Сиракава испытал нечто похожее на стыд. Жена так старалась ему угодить, так долго искала и, наконец, нашла то, о чем он грезил столько времени. Это было настоящее сокровище, несогранный, еще даже нераскрытый бутон, чьи плотно сжатые лепестки светились девственной чистотой!

– Значит, ее родители торгуют упаковочными материалами?

– Да, у них неплохо шли дела, пока их не подвел нечистый на руку служащий. Они были на грани краха. Я познакомилась с матерью Сугэ. Это вполне приличная, очень порядочная женщина.

Томо замолчала. Она решила, что наступил подходящий момент поговорить с супругом о деньгах, которые он выделил ей на поездку в Токио. Томо заплатила семье Сугэ пятьсот иен, купила девушке новую одежду. Какая-то сумма была потрачена на сами поиски подходящей кандидатуры, на встречи с хангёку из разных школ, на бесконечные перегово-

ры с профессиональными сводницами, посредниками и девицами сомнительной репутации. Но и после всех затрат на руках у Томо все еще оставалась примерно половина от первоначальной суммы. Она намеревалась вернуть деньги супругу.

Казалось бы, нет ничего проще, чем быстро уладить дело. Но по каким-то странным, необъяснимым причинам Томо не могла вымолвить ни слова, в горле пересохло. Она покраснела, растерявшись от собственной беспомощности.

Сиракава ничего не заметил. Он хлопнул в ладоши, призывая помощника.

– Ооно, давай-ка закончим нашу игру. Завтра нам рано вставать, так что будет лучше, если госпожа отправится вниз и приготовится ко сну.

Томо встала с колен и искоса взглянула на Ооно. Молодой человек деловито вынес на середину комнаты доску для игры в го.

Томо было всего тридцать лет. В глазах мужа опять вспыхнул особый, сладострастный блеск предвкушения. Этот мужчина излучал невероятно притягательную энергию. Но Томо понимала, что он и пальцем не пошевелит, чтобы избавить ее от физических и эмоциональных страданий, которые стали невыносимыми после трехмесячной разлуки.

Она и сама толком не знала, что именно сжигает ее изнутри: любовь или ненависть. Чувство собственного достоинства не позволяло ей превратиться в жалкое, раздавлен-

ное насекомое. Твердая решимость выстоять, не сломиться под тяжестью испытаний придавала ей силу и стойкость.

Томо ничем не выдала своего смятения. Она спокойно вышла в коридор. Бледное, без единой кровинки лицо напоминало маску Но.

Сугэ привыкла к шумной сутолоке большого Токио, и улочки города Фукусимы казались ей слишком тихими и пустынными, витрины магазинов на центральном проспекте – невзрачными. Официальная резиденция господина Сиракавы располагалась в районе Янаги-Кодзи недалеко от канцелярии префектуры. Некогда эта усадьба принадлежала богатому самураю. За высокой оградой с воротами, крытыми черепицей, стоял огромный особняк с высокими галереями-энгавами и верандами. Просторные комнаты в десять – двенадцать татами были наполнены светом.

Из покоев, расположенных в задней части дома, можно было, раздвинув сёдзи, спуститься прямо в сад. Здесь зрели яблоки, груши, хурма и персики, вился виноград, на грядках пестрели овощи.

Первый неприятный сюрприз ожидал Томо сразу по прибытии домой: к основному зданию было пристроено новое крыло. В чистых, светлых комнатах стоял аромат кедра. Вдоль пристройки тянулась энгава, обращенная на юг. Ах, какой прекрасный оттуда открывался вид на виноградник! В новое крыло вел длинный крытый коридор.

– Плотники начали тут стучать и пилить сразу же после вашего отъезда в Токио, – с тревогой в голосе сказала прислужница Сэки.

Томо внимательно на нее посмотрела. Она давно уже знала, что Сиракава не обошел своим вниманием и эту девушку. Как-то раз Сэки в порыве откровенности похвалилась хозяйке своими отношениями с господином.

Роскошное убранство покоев поразило Томо: темно-красный туалетный столик из тутового дерева, прекрасное зеркало с тончайшей крепдешиновой накидкой малинового цвета. В гардеробной, размером в шесть татами, высился резной платяной шкаф со множеством ящиков.

– С ума можно сойти: нарядные циновки, стеганые одеяла, покрывала тоже новые, – озабоченно бормотала Сэки, распахивая дверцы шкафа.

На полках лежали, поблескивая сгибами, аккуратно сложенные комплекты спальных принадлежностей из плотного шелка в желто-белую клетку, ночные кимоно на подкладке, одеяния из шифона с нежным зеленоватым узором.

– И чьи же это комнаты? – поинтересовалась Эцуко, задумчиво склонив голову набок и вопросительно поглядывая на мать. В тот момент девочка была удивительно похожа на отца: такая же светлая кожа, такой же овал лица, то же выражение...

– Твой папа велел сделать пристройку, чтобы в тишине изучать важные государственные бумаги. А теперь уходи,

оставь меня, – резко сказала Томо и, закрыв глаза, сделала несколько глубоких вдохов. Нет, разрушительная тьма, которая довлела над ней, подтачивала силы и отнимала разум, не должна опалить ее ребенка!

Эцуко решила, что мать опять не в духе, и вприпрыжку убежала. Уж лучше поболтать с милой Сугэ, прекрасной, как благоуханный цветок, чем выслушивать ворчание вечно недовольной матери.

– Теперь я должна стелить хозяину здесь? – спросила Сэки, сверля Томо взглядом.

– Думаю, да.

– А для Сугэ где стелить?

– Сугэ сама приготовит себе постель.

Неимоверным усилием воли Томо заставила себя держаться непринужденно. Прикусив нижнюю губу, она подошла к окну и выглянула в сад. Внезапно ее затопила волна жгучего стыда и отвращения. Судя по всему, ее страдания были сродни тем, что терзали душу Сэки.

В саду, среди виноградных лоз, опутавших опоры, стояли две девочки. Сугэ... На фоне темной резной листвы отчетливо выделялась ее гибкая фигурка в легком темно-синем кимоно с белым стрельчатым узором конгасура.

Эцуко что-то настойчиво втолковывала своей подруге. Наконец, встав на цыпочки, Сугэ потянулась за кистью винограда.

– Разве такой незрелый виноград можно есть?

– Он вполне съедобен. Это особый сорт зеленого винограда, его выращивают в европейских странах. – Голос Эцуко звучал четко и ясно в прогретом солнцем воздухе.

Сугэ сорвала большую гроздь и осторожно, словно замороженную драгоценность, поднесла ко рту одну зеленую ягоду.

– Ну, что я тебе говорила? Правда, сладкий? У нас эти кусты из местного сельскохозяйственного питомника.

– Да, вы правы! Никогда не ела такого сладкого зеленого винограда!

Глядя друг на друга счастливыми лучистыми глазами, девочки отщипывали от кисти по одной ягодке и отправляли в рот.

Сугэ, которая обычно старалась вести себя чинно и благовоспитанно, как и положено взрослой особе, в такие минуты, позабыв обо всем, веселилась от души наравне с Эцуко. И сразу становилось ясно, что Сугэ, в сущности, совсем еще ребенок, милый, бесхитростный, незащищенный.

Томо смотрела на Сугэ. Как прелестно это невинное личико с детской припухлостью губ и щек! Как грациозны движения гибкого юного тела! И вдруг перед глазами Томо возникло видение желтых спальных принадлежностей, аккуратно разложенных на полках шкафа. Молодую женщину охватил озноб: злосчастный резной гардероб с покрывалами и простынями стоял у нее прямо за спиной. От него веяло могильным холодом. Как все отвратительно, грязно, безнравственно! Этой девчужке в куклы играть надо, а ее отдают на рас-

терзание мужчине, порочному распутнику, вкусившему все земные удовольствия. Он старше прелестной малышки почти на двадцать пять лет!

Да, конечно, все началось гораздо раньше. Семья Сугэ оказалась на грани банкротства. Пришла беда – отворяй ворота. Юная красавица была обречена. Обязательно нашелся бы любитель клубнички. Богатый чиновник из Фукусимы или кто-нибудь другой – какая разница? Разорившиеся родственники все равно бы продали невинную девочку, чтобы удержаться на плаву. Кармическое предопределение неодолимо: рано или поздно, здесь или в другом месте, но благоуханный цветок девственной чистоты и непорочности будет безжалостно сорван и растоптан.

Любой нормальный человек испытает рвотные конвульсии при попытке проглотить сырое окровавленное мясо недавно убитой птицы. Так и Томо ощущала приступы моральной тошноты, размышляя о своей причастности к преступлению мужа. Сделка состоялась – девочку просто-напросто купили!

Томо тихо застонала: зачем только она ввязалась в это грязное дело? Дикость, настоящее злодеяние, граничащее с работорговлей!

Она не могла отвести глаз от Сугэ. Чистейшая млечно-белая кожа, озаренная изнутри каким-то сиянием, была прекрасна, как только что выпавший снег. Взгляд ярких, ясных, широко распахнутых очей так трогательно беззащитен...

В Томо боролись два чувства. Она ощущала безграничную жалость, как будто на ее глазах вели на убой великолепное животное, и жгучую ненависть при одной мысли о том, что эта непорочная девочка в один прекрасный день превратится в демона и будет безнаказанно властвовать над душами хозяина и домочадцев.

Жизнь в усадьбе никак не могла войти в привычное русло. Ежедневно приходил приказчик от господина Маруи, официального семейного поставщика мануфактурных товаров. Он появлялся, как только господин Сиракава возвращался домой из канцелярии. Хозяин рассматривал разложенные по всей гостиной ткани и отбирал понравившиеся образцы. Сиракава обновил гардероб жены и дочери, но главной его целью были наряды и подарки для Сугэ. Он словно готовил пышное приданое для сказочной принцессы и, не торгуясь, покупал и заказывал у портных изысканные вещи. Такой роскоши еще никто не видел! Несколько кимоно черного цвета с фамильными гербами, одежда из гладких и узорчатых тканей, тонкие платья из шелка-сырца, шлейфы с каймой, ленты, пояса, шарфы, накидки, предметы женского туалета из розового атласа, шелка, льна, наряды из золотой парчи, праздничные кимоно, ночные кимоно из багряного шелка, длинное нижнее белье красного цвета...

Сугэ находилась в полной растерянности. Она никак не могла взять в толк, почему ей не поручают никакой работы,

а носятся с ней как с писаной торбой, всячески ублажают и балуют. Все это было странно и не приносило ей ни радости, ни удовольствия.

Стиснув зубы, Сиракава хищным ястребиным взором следил за невинной голубкой. Сумеречный огонь в его глазах разгорался все ярче и жарче.

– Сугэ, – медленно произносил он внезапно охрипшим голосом, по впалым щекам разливался лихорадочный румянец. – Ну-ка накинь этот лиловый отрез на плечо и приложи пояс в горошек. Посмотрим, как сочетаются цвета...

Немного смущаясь, Сугэ набрасывала на плечи кусок ткани и ловко обвязывала талию поясом-оби. Аккуратности и послушанию она научилась в лавке отца-торговца, гибкости и сноровке – в школе танцев, где часто приходилось примеривать сценические костюмы.

Сугэ замирала перед хозяином в какой-нибудь эффектной позе. Она была прекрасна, как девушка с гравюры великого Киётики Кобаяси²⁰.

Не скрывая восхищения, Эцуко обычно подбегала к ней и восторженно кричала:

– О, как красиво, очень красиво!

Нежная, тонкая, грациозная, как журавль, девочка прижималась к Сугэ, которая утопала в пышных складках шелка и походила на нераскрывшийся махровый пион.

---

²⁰ Кобаяси Киётика (1847 – 1915) – известный японский гравёр и художник эпохи Мэйдзи, мастер укиё-э. (Примеч. ред.)

Любование такой изысканной красотой доставляло господину Сиракаве ни с чем не сравнимое удовольствие.

– Узор, какой же выбрать узор... Пожалуй, побеги зеленой вьющейся вики на белом фоне лучше всего подойдут Эцуко, – приговаривал Сиракава, повернувшись к Томо, – и, конечно, атласный оби.

Хозяин был непривычно оживлен и добродушен. Сугэ держалась естественно и просто. Наметанным глазом Томо мгновенно определила, что господин все еще сдерживает свою страсть и до сих пор не прикасался к девушке.

Похоже, Сиракава робел и не знал, как подступиться к малолетней красавице. Обычные приемы обольщения, которые он использовал при общении с гейшами и служанками, в данном случае совершенно не годились. Видимо, он решил, что самый верный способ покорить сердце девушки из бедной семьи – закупить ей дорогих нарядов и подарков.

Наблюдая за супругом из-под опущенных ресниц, Томо вспоминала, как этот мужчина когда-то так же заботливо выбирал гребни и заколки, обручи, ленты и прочие милые безделушки и посылал их домой своей юной жене.

Сиракава не любил бросать слова на ветер и обещание, данное Сугэ, выполнил незамедлительно.

Почти каждый вечер почтенное семейство появлялось на представлении в «Титосэ-дза», единственном во всем городе Фукусиме театре. Сам Сиракава, Томо, Эцуко, Сугэ и две-

три служанки занимали лучшие места.

Появление Сугэ в летнем темно-красном кимоно со сборками на плечах произвело в зале фурор. Даже актеры заметили красавицу и в своей уборной говорили только о ней.

– Вы слышали? Это новая игрушка префекта, она недавно появилась в доме. Какое у нее лицо! Картинка, а не девчонка! Правда, прелесть?

Особенно бурно обсуждали Сугэ активисты Либеральной партии. В последнее время власти все чаще и чаще устраивали облавы, на конспиративных квартирах производили обыски и аресты. Члены партии ненавидели Сиракаву, своего идейного противника. Сугэ действовала на них как красная тряпка на быка.

– Нет, ну что за человек?! Позор! Гниль! Он душил демократию, попирает наши гражданские права, а себе позволяет невероятные вещи. Окружает всяких там потаскушек неслыханной роскошью, и они живут себе припеваючи на всем готовеньком!

Естественно, ни Сугэ, ни Эцуко даже не подозревали, что за ними следят сотни пар глаз, полных ненависти и злобы. Томо не особенно разбиралась в политике и принимала на веру все, что говорил супруг или близкие знакомые. В их среде принято было считать, что люди, которые отрицают официальную линию правительства и волю императора, без конца болтают о свободе и гражданских правах, сеют смуту в душах и умах японцев, являются настоящими преступника-

ми и заслуживают самого сурового наказания наравне с во-рами и поджигателями.

Нельзя забывать, что Томо родилась в глуши Кюсю на изломе двух исторических эпох, в ту пору, когда еще сильны были феодальные традиции и устои. Ей привили уважение к императору и представителям власти. Понятия семьи и брака были священными, слово мужа являлось для нее законом, поэтому любое его пожелание, каким бы странным оно ни было, следовало беспрекословно выполнять.

В театре каждый вечер давали новую пьесу. Как-то раз, когда семейство Сиракава заняло свои места в ложе, Эцуко внезапно расплакалась и с дрожью в голосе призналась, что ей невероятно страшно. Пьеса называлась «Привидение из Ёцуя»²¹ и была весьма популярна у любителей страшных историй.

– Не бойтесь, маленькая госпожа, мы с вами вместе зазмуримся, когда появится привидение, и будет не так страшно, – спокойно проговорила Сугэ. Несмотря на врожденную застенчивость, она была не робкого десятка. Художественные постановки обычно целиком захватывали ее, и, сидя рядом с Эцуко, она не пропускала ни единого слова актеров.

Томо, искоса поглядывая на Сугэ, про себя отметила, что девушке храбрости и выдержки не занимать.

---

²¹ «Привидение из Ёцуя» («Ёцуя кайдан») – произведение знаменитого японского драматурга Намбоку Цуруя (1755 – 1829), который прославился своими пьесами для театра Кабуки. (Примеч. ред.)

На сцене тем временем разворачивалось красочное действо: вступление, появление персонажей перед храмом бодхисаттвы Каннон, сцена убийства отца героини; невероятный по эмоциональному накалу эпизод: служанка Иэмона расчесывает волосы Оивы, и волосы начинают выпадать...

Спектакль так захватил Томо, что она на время даже забыла о тех, кто сидел с ней рядом в темном зале.

На сцене была растянута полинявшая желто-зеленая сетка от комаров. Перед ней сидела Оива и нянчила младенца, склонив к нему бледное, изможденное, но все еще прекрасное лицо. Горько сетует она на свою судьбу: здоровье подорвано, муж совсем охладел к ней после рождения ребенка. Женщине не терпится увидеть свою младшую сестру и передать ей гребень, некогда принадлежавший их матери.

Супруг Оивы, Иэмон, отдавший свое сердце молоденькой соседке, мечтает избавиться от надоевшей жены.

Родственники соседки-разлучницы задумали недоброе: предложили больной чудодейственное снадобье, которое якобы вернет ей здоровье после родов. Они обманули бедняжку и дали ей яд, надеясь, что она лишится своей сказочной красоты и неверный супруг без сожаления бросит ее. Доверчивая Оива с благодарностью принимает лекарство и выпивает весь яд до капли...

Томо, затаив дыхание, следила за перипетиями драмы. Невыносимая боль вонзала острые шипы прямо в сердце. Молодая женщина время от времени закрывала глаза, чтобы

справиться с мучительными переживаниями.

Бедная наивная Оива! Добрая, любящая, простодушная, она столкнулась с обманом, предательством и черной неблагодарностью.

Томо вновь прикрыла глаза. Как все это ей знакомо, как все похоже на ее собственные мытарства! Реплики актеров, слова, звуки проникали глубоко в душу.

Пьеса рассказывала о трагедии уходящей любви: чувства поднимают мужчину и женщину на вершину страсти, но пыл и взаимное притяжение ослабевают, и бывшие любовники оказываются в ледяном аду.

Параллели и аналогии напрашивались сами собой. Оюмэ, покорившая Иэмона, и Сугэ; надменный неотразимый Иэмон и Юкитомо Сиракава; Оива, чьи отчаяние и боль постепенно переросли в слепую ненависть... Женщина, познавшая предательство самого близкого и дорогого человека, жаждала отмщения.

«Похоже, о, как похоже!» – ужасалась Томо. В каком-то болезненном оцепенении она жадно следила за развитием событий. Оива превратилась в привидение, и обидчикам не избежать расплаты за свои злодеяния.

Эцуко, устав от слез, капризно прикрывала личико ладошками, а потом крепко заснула, положив голову на колени Сугэ. После представления Томо пришлось нести дочку на руках. Покачиваясь в коляске рикши, девочка всю дорогу домой клевала носом, и растормошить ее было невозможно.

Смеркалось, от прохладного летнего ветерка колыбался полог коляски.

Томо не могла насмотреться на спавшую у нее на руках дочку. Правильные черты лица, полураскрытые пухлые губки, крошечный пучок на затылке...

Молодая мать подумала о своем старшем сыне, который жил у ее родителей в деревне. И содрогнулась. Нет, она не должна превращаться в злобную мстительную Оиву!

Страшное наваждение, во много раз более разрушительное, чем одержимость Оивы, ядовитыми шипами впивалось в мозг Томо. Она судорожно прижала к груди теплое тельце дочери и стала баюкать свою малышку в каком-то фанатичном экстазе. О боги и бодхисаттвы, если безумие затмит ее разум, что же будет с детьми?!

Томо взяла себя в руки. Ей удалось сохранить выдержку и ввести Сэки в заблуждение. Никто никогда не узнает, как ей больно!

Каждый вечер Томо с маниакальным упорством стелила мужу постель в своей комнате. Просто так. На всякий случай. Дождавшись ухода слуг, сама доставала спальные принадлежности, раскладывала два футона на циновках, а утром прятала все вещи в шкаф.

Но вторая постель так и оставалась несмятой. Холодная пустота сводила Томо с ума.

Как-то раз Сиракава вернулся домой необычно поздно и

неожиданно заглянул в комнату жены.

– Отошли всех... и принеси сакэ. – Налитые кровью глаза лихорадочно блестели, на виске пульсировала голубая жилка.

Сиракава не любил сакэ. Что же заставило его отдать такое странное распоряжение?

Сбегав за рисовым вином, Томо вернулась в комнату. Сиракава закатал рукав. Левое предплечье было туго обмотано бинтом, сквозь который проступила кровь.

Прижав токури²² к груди, Томо застыла как вкопанная.

– О, что... что случилось?

– Очередная облава на активистов Либеральной партии. У них была тайная сходка. Мы арестовали человек десять. Стали расходиться по домам, и кто-то напал на нас. – Он зловеще рассмеялся. – Левая рука – повезло! – Его голос вибрировал от возбуждения, а лицо походило на восковую маску.

Ночное столкновение было весьма серьезным, противник действовал решительно. Сиракава едва избежал смерти.

Томо охватила невероятная слабость, руки, сжимавшие токури, задрожали – в тяжелую минуту он пришел к ней, а не к Сугэ!

– Какое счастье, что... – Она запнулась, с тревогой глядя на мужа.

В его глазах полыхнул яростный огонь. Он залпом выпил чашечку сакэ, грубо схватил Томо за руку и с такой силой

---

²² Токури – узкая высокая бутылка для сакэ.

рванул на себя, что она не устояла на ногах и со стоном ударилась о его жесткое тело. Замысловатая прическа рассыпалась, черный шелк волос заструился по плечам и спине. Сакэ из бутылки расплескалось на одежды.

У Томо голова закружилась от запаха рисового вина и от опасной близости мужа. Он резким движением руки приподнял ее лицо и яростно впился губами в жалобно приоткрытый рот...

Сиракава вернулся в свои покои лишь на рассвете. Он ни слова не сказал жене о Сугэ.

Томо долго лежала без сна. Она размышляла о муже. Он, видимо, сам страшился роковой минуты и, как мог, оттягивал тот неизбежный миг, когда его безудержное чудовищное плотское вожделение бурлящим потоком прорвет плотину сдержанности и с неистовой силой обрушится на невинную хрупкость Сугэ.

Томо горько усмехнулась: Сиракава выдал себя. Да, получив ранение и едва избежав смерти, он бросился за поддержкой к жене, а она не устояла и невольно отдалась чувственному дурману. Но в душе ее больше не было места иллюзорным надеждам. Там все ярче и ярче разгоралось пламя ненависти к этому высокомерному жестокому мужчине. Томо с трудом держала себя в руках. Ей хотелось закричать и ногтями впиться в его самодовольное красивое лицо, расцарапать впалые щеки и стереть с губ ухмылку презрения к ее слабости и глупости.

На следующий день все выпуски газет пестрели сообщениями о нападении на префекта Сиракаву, который поздно ночью возвращался домой после успешной операции по задержанию бунтовщиков из рядов Либеральной партии. Господин Сиракава, легко раненный в руку, произвел несколько выстрелов в нападавших. Один человек был убит.

Дома Сиракава ничего не сказал о подробностях ночного инцидента. Но Томо теперь знала: его неожиданный, после многомесячного перерыва, визит в ее спальню был вызван тем, что Сиракава убил человека. Вид и запах крови разбудили в нем зверя, ему требовалось успокоить мозг и плоть, возбужденные убийством. Брезгливое отвращение к себе и к мужу охватило Томо.

В канцелярии префектуры, в учреждениях, на улицах – везде обсуждали ночную перестрелку. Обитатели усадьбы шептались по углам. Томо заметила, что лицо Сугэ озарилось восхищением, когда Эцуко заговорила об отце.

– Знаете, мне кажется, ваш отец просто великолепен, – заявила Сугэ.

Девочки сидели на энгаве, склонив хорошенькие головки, дергали за красный шнурок и раскачивали маленькую колыбельку. Там мирно спал котенок.

– Почему ты так говоришь, Сугэ?

– О, он прошел такое опасное испытание, но даже не захотел рассказывать об этом. В то утро я видела, как он смешно умывался – делал все одной рукой, даже полотенце смачивал

в миске с водой только правой. Я спросила, что случилось. А он лишь улыбнулся и ответил, что растянул мышцу. Ни словом не обмолвился о своем ранении!

– Ты думаешь, ему было не больно, а?

– Я думаю, ему было очень больно. Сегодня я меняла ему повязку. Знаете, какая там страшная рана?! Вот такая большая и глубокая! – Сосредоточенно нахмурившись, Сугэ отмерила на красном шнурке примерно пять сантиметров и показала Эцуко.

Девочка промолчала. Она поняла, что ранение было серьезным, и еще раз вознесла хвалу богам за то, что отец остался жив.

Но Сугэ, похоже, никак не могла успокоиться.

– Говорят, настоящий мужчина всегда от всех скрывает свою боль и тревогу. Наш хозяин все держал в себе – ни сто-на, ни единой жалобы. Я считаю, он замечательный!

Томо сидела в своей комнате с рукоделием на коленях и прислушивалась к болтовне девочек. Искреннее, пылкое восхищение, сквозившее в голосе Сугэ, обычно столь сдержанной и молчаливой, неприятно поразило ее.

Сугэ сильно изменилась за последнее время. От застенчивости не осталось и следа. Держалась она свободно и раскованно, двигалась плавно, грациозно. Огромные глаза с мечтательной безмятежностью взирали на мир. Взрослеющая девочка, Сугэ в своей детской чистоте была так же трогательна и невинна, как Эцуко.

Сиракава целый месяц терпеливо приручал трепетную лань, и теперь она была послушна, покорна и абсолютно беззащитна.

Но охотник не торопился, он чувствовал, что почти достиг цели.

Сиракава хитро заманивал неискушенную Сугэ в лабиринт своей страсти. Он сумел завоевать доверие наивной девочки, жаждущей тепла, любви и поддержки. Он холил и баловал ее, как родной отец. И даже предстал перед простодушной жертвой в ореоле героя-победителя.

Мало-помалу она поддалась соблазну познать, как туман тает в лучах восходящего солнца. В сердце Сугэ начал расти робкий первоцвет любви.

Как тугой нераскрывшийся бутон пиона однажды утром начинает светиться лиловыми прожилками, проступающими сквозь темную зелень чашечки, так и Сугэ внезапно наполнилась каким-то новым внутренним сиянием.

Томо была не на шутку встревожена такими переменами. Она знала, что Сиракава все еще выжидает... Она была в этом абсолютно уверена. От женщин, физически познавших Сиракаву, исходило совсем другое свечение, которое Томо всегда безошибочно улавливала. В случае с Сугэ загадочной эманации пока не наблюдалось.

Тот ночной визит мужа после перестрелки оставил в душе Томо глубокий след. Она лишилась сна. Ее преследовали кошмарные видения: Сугэ в объятиях Сиракавы. Как это

произойдет, когда?..

По ночам Томо металась на своем одиноком ложе, но порой муки становились невыносимыми. Она вставала и на цыпочках, чтобы не разбудить Эцуко, подходила к окну. Притихший осенний сад утопал в лунной дымке. Призрачные серебристые блики скользили по траве, блестящей от росы. Из овального окна пристройки лился мутный желтый свет от ночной лампы.

Взгляд Томо, казалось, мог проникать сквозь стены. Как-то раз она представила Сугэ в уютном полумраке спальни. Мерцающий ночник освещает шафрановые простыни и фигуру спящей девушки в лиловом ночном кимоно...

Внезапно Томо ощутила себя огромной черной коброй, которая под покровом темноты заползла в комнату. Развернув свой зловещий капюшон и вперив немигающий взгляд во мужчину и женщину, она бесшумно раскачивалась в тишине...

Похолодев от ужаса, Томо судорожно обхватила себя руками и крепко зажмурилась. Ее губы шевелились, а из горла рвался немой крик: «Помоги мне! О, помоги мне!»

Очень часто ей снился один и тот же сон: шторм на море, по волнам носится корабль, опасно кренится набок, а она в пустом гудящем трюме катается по доскам днища, задыхается, никак не может вдохнуть...

Однажды утром Сугэ осталась в постели, сославшись на

страшную головную боль.

Эцуко, вернувшись из школы, сразу же побежала в новое крыло, чтобы показать подруге цветную бумагу для оригами²³.

Сугэ, лежа на футоне, воскликнула:

– Барышня Эцуко! – Она была рада видеть маленькую госпожу.

– Ой, что это у тебя с веками? – простодушно спросила девочка, заметив, что Сугэ бледна и под ее опухшими глазами залегли тени.

Сугэ залилась жарким румянцем и поспешно прикрыла лицо рукавом кимоно, словно от яркого света. Она испугалась, что Эцуко может проникнуть в страшную тайну прошлой ночи.

У Сугэ не было обиды на хозяина. Она успела привыкнуть к нему и безумно нуждалась в его защите и покровительстве. Но к такому испытанию она все же оказалась не готова. Приобщение к таинствам любви потрясло бедняжку. Она испытывала стыд, жгучий, мучительный стыд, впала в состояние какого-то физического и эмоционального оцепенения. Внутри нее разливался холод неизбывной печали, словно что-то было разрушено, уничтожено, навеки утрачено.

О, она была готова возненавидеть родителей! Они, конечно же, знали, на что обрекали собственное дитя, когда лицемерно велели ей смиренно и беспрекословно подчиняться

---

²³ Оригами – фигурки, которые складывают из цветной бумаги.

воле господина.

Сугэ наконец-то прозрела. Она поняла, что ее продали. Продали за деньги ее тело.

Девушка с грустью взглянула на Эцуко. Как же она похожа на своего отца! Но Эцуко была такой легкой, чистой, воздушной, что, казалось, порыв ветра может подхватить и унести ее, как облачко.

Неожиданно неприязнь вспыхнула в душе Сугэ. Чувство это было столь зыбким, неясным, что она так и не поняла, почему таким холодом пронзило грудь.

По просьбе Эцуко Сугэ сделала несколько оригами. Пальцы ловко складывали фигурки, а мысли были заняты одним: где-то далеко в прошлом осталась та чистая и невинная Сугэ, которая еще вчера резвилась и шалила наравне с маленькой барышней.

Сиракава теперь владел Сугэ полностью. Его безумная, безудержная страсть к юной красавице постепенно превратилась в одержимость.

Развращенный, искушенный во всех хитростях любовной науки, он знал практически все о мире легкодоступных женщин и гейш. Но глубокая, почти отеческая привязанность к этой наивной, неиспорченной, по-детски трогательной девушке, годившейся ему в дочери, сотворила с ним чудо. Он выглядел свежим, помолодевшим, энергичным, словно только что женился и проводил дни в неге и праздности.

В выходные он теперь вместе с Сугэ выезжал на горячие

источники в Иидзаку. Господина prefecta неизменно сопровождали его ближайшие подчиненные и владелица ресторана, в котором он часто бывал.

На водах Сугэ обнаружила, что все величают ее «госпожой», «хозяйкой». Она постепенно привыкла к своему новому положению, стала свободнее чувствовать себя в обществе Сиракавы. Каждое посещение горячих источников наполняло ее силами. Она расцветала на глазах. И сияющий цветок ее красоты наконец распустился – пышный, прекрасный, источающий сладостный аромат.

Сугэ поразительно изменилась. Ничем она больше не напоминала юную служаночку, постоянно красневшую от робости.

Сиракава был ослеплен своей возлюбленной. Потерял голову от страсти. В спальню жены он даже не заглядывал.

Нервы Томо были напряжены до предела. Неопределенность угнетала ее: вечное ожидание супруга, тщательно приготовленные спальные принадлежности, пустое ложе, бесконечное одиночество и ощущение собственной никчемности.

По общему мнению, Сиракава подрывал свои силы в чрезмерных плотских утехах и вряд ли был способен иметь детей. Но вероятность, пусть и незначительная, что Сугэ родит ребенка, приводила Томо в отчаяние.

Муж и жена?.. Отношения между ними уже давно дали трещину. И трещина эта превращалась в ужасную черную

пропасть. Ледяную пустоту и зловещий мрак этой бездны невозможно было даже представить или описать словами. Холод, безмолвие, отчуждение... Но так, к сожалению, было и до появления Сугэ.

Томо догадывалась, что будущее не сулит ей ничего хорошего. Что ж, видимо, придется покорно склонить голову и смириться со своей незавидной долей. А пропасть станет расти, расти, и дни будут наполнены лишь пустотой, а ночи – холодом одиночества...

Только теперь Томо поняла, почему, вернувшись из Токио, она так и не смогла откровенно поговорить с мужем о деньгах. Ей помешал страх перед будущим.

Томо с рождения была прямолинейным человеком, обманывать, хитрить, ловчить было не в ее привычке. Дома все финансовые вопросы она решала открыто и четко, ничего не утаивая от мужа. Она считала чем-то постыдным стремление многих женщин припрятывать деньги на черный день. Мысль о том, что теперь и ее ждет та же участь, навевала печаль. Но одновременно, как это ни странно, у Томо где-то глубоко внутри зародилось ощущение животворной силы, звенящей энергии, будто тело покрылось невидимой защитной сеткой и она вдруг превратилась в более стойкое, выносливое, гибкое и жизнеспособное существо.

Надо посмотреть правде в глаза: есть множество замечательных, выдающихся мужчин, которые после долгих лет брака отказываются от жен, выбрасывают их из своей жизни,

как старые ненужные вещи, отсылают обратно в родительский дом, а взамен находят себе новую подругу – молодую, привлекательную, из круга гейш и хангёку.

Томо, женщина прямая и порядочная, пользовалась уважением и поддержкой самого губернатора Кавасимы и его жены. Поэтому господин Сиракава вряд ли решится на крайние меры в отношении своей супруги. Но он был без ума от красавицы Сугэ, и от него можно было ожидать чего угодно. Было неясно, что он замышляет и намеревается ли избавляться от Томо.

До Реставрации Мэйдзи семейный кодекс четко определял положение законной жены и наложницы, и нарушить его было непросто. Но за одну ночь в стране все изменилось, власть была захвачена беспринципными отпрысками угасавших, до крайности обнищавших родов и кланов. Как говорится, из грязи в князи. Возможно, чайные домики и покои гейш виделись новым правителям неким специфическим плацдармом для дальнейшего продвижения по коридорам власти. Такая идея никому не казалась абсурдной, наоборот, она полностью овладела умами тех, кто гонялся за званиями и чинами. Положение замужней женщины, находившейся в полной зависимости от амбициозного супруга, от его успехов на общественном поприще, становилось весьма непрочным. Очень часто под натиском испытаний и перемен мать семейства оставалась беспомощной, как выюнок, лишенный опоры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.